
Дара Вейн
Цена за всё
18+

Дара Вейн

Цена за всё

«Автор»
2026

Вейн Д.

Цена за всё / Д. Вейн — «Автор», 2026

На Рублёвке не спрашивают, откуда деньги. Здесь вообще мало что спрашивают – здесь смотрят. И запоминают.Даша нашла в отцовском кабинете конверт с одной датой: 1994. Вика поняла, что муж врёт второй год, – и впервые промолчала не так, как он ждал. Лизе написали ночью: «Я всё видел. Нам надо поговорить». А горничная Лика, которая знала о хозяевах слишком много, исчезла между этажами. Только коробка осталась.Тридцать лет назад здесь упало кольцо на снег. С тех пор эту землю называют проклятой – тихо, между собой, за сигарой у калитки.За фасадом отелей и ресторанов живёт другая Рублёвка. Та, где молчание стоит дороже денег. Где у каждого в шкафу скелет – и почти все делят один, на всех.Здесь за всё платят. Вопрос лишь в валюте: деньгами, любовью – или собой.

© Вейн Д., 2026
© Автор, 2026

Дара Вейн
Цена за всё

ДАРА ВЕЙН

ЦЕНА ЗА ВСЁ
роман

2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СТАРЫЙ МИР

ПРОЛОГ

Ночь 1994 года пахла снегом и бензином.

Елена стояла у окна спальной комнаты и смотрела на второй этаж соседнего дома. Там, за елями, в желтом прямоугольнике окна двигался силуэт Красовского — хозяина половины посёлка. Свечи, виски, смех его компании долетал даже сквозь двойные рамы.

За её спиной хлопнула дверь.

— Ты опять не спишь, — сказал Пётр. Он вошёл, не разуваясь, в пальто, и от него тянуло морозом и дорогим коньяком.

— Андрей был здесь. Опять.

— Андрей, — повторил Пётр, как будто пробовал слово на вкус. — У тебя нюх, Лена. Собаке тоже нюх.

— Петь...

— Не сейчас. — Он положил на тумбочку папку, толстую, в синей клеёнке. — Завтра подписываем. Земля вдоль соснового бора наша. Вся. Красовский проиграл.

— Как?

— Документы не спрашивай. Вадим сделал всё как надо. Красовский сам не понимает, как его подпись оказалась там, где надо. — Пётр улыбнулся. Ей запомнилась эта улыбка: усталая, почти нежная. — Начинается другая жизнь. Лен, слышишь? Другая.

Она молчала. В окне погас свет у Красовских.

— Где Максим? — спросила она.

— Спит. Наконец-то спит.

— А я не сплю, — тихо сказала Елена. — И, кажется, уже год как не сплю.

Пётр не ответил. Он расстегнул пальто, сел на край кровати и посмотрел на её руки, которые она держала на коленях — белые, с тонким обручальным кольцом, которое он купил ещё на тысечу рублей в кооперативном ларьке.

— Ты боишься, — сказал он. Не спросил.

— Я боюсь того, что мы стали.

— Мы стали богатыми. Это разные глаголы.

— Одинаковые, — сказала Елена.

Утром её не было. Оставалась только распахнутая дверь на веранду, вмятина на снегу и кольцо, которое лежало на подоконнике — прямо на снегу, и снег его не тронул, будто боялся.

Максиму было два года. Лизе — пять.

Пётр стоял на веранде в пальто, не разувшись, и смотрел на вмятину, пока снег не занёс её. За спиной, из кухни, доносился голос Вадима — молодой, бодрый, ещё не знающий, что будет звонить в дверь этого дома двадцать лет подряд.

— Петр Аркадьевич, там Красовский звонил. Спрашивал про документы...

— Скажи, что уехал, — сказал Пётр, не оборачиваясь. — Скажи, что все уехали.

Это была первая ложь, сказанная в этом доме вслух. Потом их будет много. Дом всё запомнит. Дома всё помнят — особенно те, в которых живёт прислуга.

Глава 1. 1. Оранжевый

Даша увидела платье за три дня до новогоднего приёма — в бутике, куда её вела Вика «просто посмотреть».

— Это не для тебя, — сказала Вика, отодвигая вешалку с кремовым. — Это для жены человека, который построил пол-области. Тьфу, то есть тебя.

— Я не жена человека. Я жена Петра.

— Это разные вещи, дорогая. — Вика повернулась к зеркалу и поправила сережку. — Жена человека — это статус. Жена Петра — это поведение.

Даша не ответила. Она смотрела на платье кремового цвета — простое, без единого камня, — и понимала, что в нём она будет выглядеть как «из провинции». Так и напишут потом в чате: «Ну что, новая жена взяла своё».

— Савицкая! — окликнула её консультант. — Вам собрать по вашим размерам?

— Нет, спасибо, — сказала Даша. — Я просто смотрю.

— На примерку тратится то же время, — заметила консультант, и Даша впервые за день улыбнулась.

За окном валил снег. Бутик пах новой кожей и кофе, который сюда привозили из Тель-Авива — по крайней мере, так было написано на табличке. Даша держала в руках кремовое платье и думала о том, как она вообще здесь оказалась: из Юрьевца, из квартиры с ковром на стене, из института на бюджете — в этот белый мраморный мир, где людей зовут по-имени-отчеству даже в разговоре о погоде.

Телефон завибрировал. «Пётр Аркадьевич: буду в шесть. Обедать не жди.»

Обедать не жди. Она уже научилась не ждать. Три года в этом доме научили её главному правилу: если тебя не ждут — не опаздывай, чтобы никого не расстроить.

— Поедем к Красовским на Новый год? — спросила Вика, пока они пили кофе у окна.

— К Красовским?

— У нас, у Красовских, Новый год — это спектакль. Дресс-код черный. Еда вчерашняя, официанты сегодняшние. Пётр Аркадьевич вежливо скажет, что у него ферма, и уедет в одиннадцать.

— Он всегда уезжает в одиннадцать, — сказала Даша.

— Потому что твои новогодние столы — это переговоры. А его переговоры — это столы. — Вика вдруг наклонилась к ней и понизила голос: — Даш, ну по правде. Ты знаешь про девяносто четвёртый?

— Что именно?

— Ну... хотя бы то, что когда Красовские проиграли землю, в их доме в ту же ночь пропала хозяйка?

Даша посмотрела в окно. Снег шёл и шёл.

— Я знаю, что в этом посёлке все кого-то не любят и все кого-то боятся, — сказала она. — И что имя Елена в этом доме не произносится.

— Потому что её и не произносят. Её просто нет. Двадцать лет как нет. — Вика допила кофе одним глотком. — А Максим думает, что она умерла от болезни. Красивой, благородной, белой болезнью. Как в книжке.

— Разве не так?

— Дашенька, — Вика улыбнулась, — здесь так только в книжках. Всё остальное — пыльная дорога и менты, которым позвонили в последний раз.

Даша положила кремовое платье на вешалку. Ужин с Петром она приготовит сама — с тех пор как ушла предыдущая повариха, кухня держалась на ней и на Анне Сергеевне.

— Ты куда? — спросила Вика.

— Готовить. У меня муж приедет в шесть и голодный.

— В твоём положении?

— В моём положении — жена. Всё остальное — профессии, — сказала Даша и пошла к выходу, держа спину так прямо, как учила её мама: «Если нет шпильки — есть позвоночник».

Глава 2. 2. Иерархия

В доме Савицких существовала своя карта высот.

Наверху — Пётр Аркадьевич. Справа от него — Вадим Сергеевич, компаньон, человек с таблицей в телефоне. Слева — Максим, сын и наследник, который в Москве проводил больше времени, чем в посёлке.

Ниже — Даша. Хотя формально — выше, потому что «хозяйка».

А в самом низу карты, невидимой, но существующей, как звук, — прислуга.

Лика пришла в дом в семнадцать, из посёлка Тимирязево, по объявлению на столбе: «Требуется девочка на подработки, приличная». Приличная — она до сих пор не поняла, что это значит, но согласилась.

Лика носила в доме воду, гостей и сплетни. Официально она горничная Дарьи Владимировны. Неофициально — глаза всего посёлка.

— Дарья Владимировна, там Анна Сергеевна спрашивает, на четырёх поставить или на шести, — сказала Лика, входя в спальню.

— На четырёх. Пётр Аркадьевич гостей не любит.

— Он гостей не любит, а Красовских — особенно.

— Лика.

— Молчу.

Лика молчала ровно семь секунд.

— Дарья Владимировна, а правда, что Анна Сергеевна работает здесь со времён первой жены?

Даша посмотрела на неё в зеркало.

— С каких времён?

— Ну... с тех. До вас.

— Анна Сергеевна работает в этом доме, сколько я себя помню, — сказала Даша. — И это лучшая рекомендация.

Лика кивнула и ушла, оставив за спиной тот особый шлейф, который оставляет за собой человек, знающий чуть больше, чем сказал.

Внизу, на кухне, в это время Анна Сергеевна пересчитывала бокалы. Она считала всегда — бокалы, тарелки, гостей, годы. Считать — это способ не думать о том, что помнишь.

— Анна Сергеевна, четырёх хватит? — спросила Лика.

— Четырёх хватит. Красовские пьют из горла, а это не парадный приём.

— Вы с ними... плохо?

— Я с ними нейтрально. В этом доме нейтрально — это высший комплимент.

Лика протёрла четвёртый бокал.

— А первую хозяйку вы помните?

Анна Сергеевна замерла. Рука с бокалом не дрогнула, но Лика увидела: шея на секунду стала жёстче.

— Я помню всех, кто здесь жил, — сказала Анна Сергеевна. — И это делает меня профессионалом. А не сплетницей. Иди, накрой.

Лика ушла. Анна Сергеевна поставила бокал и долго смотрела на него — на грань, на просвет, на то, как в стекле отражается зимний сад.

В дверь, не постучав, вошёл Пётр Аркадьевич.

— Дома?

— Дома, Петр Аркадьевич.

— Даша?

— Готовит. Сама.

— Хм. — Он снял пальто, передал его Анне Сергеевне — той одной рукой, привычно, как передают не одежду, а право. — Скажи ей, что приеду в восемь.

— Вы же писали в шесть.

— Я знаю, что я писал. Скажи в восемь.

Анна Сергеевна кивнула. Пётр прошёл мимо неё к лестнице, потом остановился. Повернулся.

— Анна Сергеевна. Вы же помните, как это было. В девяносто четвёртом.

— Я помню многое, Петр Аркадьевич.

— Если кто-то спросит...

— Никто не спросит, — сказала Анна Сергеевна спокойно. — В этом доме не спрашивают. Здесь ждут.

Пётр посмотрел на неё долгим взглядом — так, как смотрят на стены, за которыми знают, что идёт труба, но трубу эту не ремонтируют, потому что боятся, что за трубой и дом.

— Хорошо, — сказал он и пошёл наверх.

Анна Сергеевна отнесла пальто в гардеробную и, закрыв её дверь, позволила себе то, что не позволяла себе двадцать лет: выдохнула.

Глава 3. 3. Соседи

Дом Красовских стоял через дорогу, отделённый от савицкого участком елей. Ёлки сажал ещё дед Красовского — не для красоты, а чтобы не видеть соседей. Деды умели строить отношения.

Виктория Андреевна Красовская — в девичестве просто Вика — была второй женой Андрея. Первая умерла. О ней в доме не говорили: по словам Викки, «она оставила после себя больше памяти, чем я оставлю денег».

— Ты не готовишь? — спросил Андрей, входя на кухню в галстуке. — У нас в шесть гости.

— Гости в шесть, а мне сказали в пять, — сказала Вика, нарезая лимон. — Твоя мама сказала в пять.

— Моя мама говорит всем в пять, чтобы никто не опаздывал. Она из тех, кто считает опоздание моральным падением.

— А твою жену она считает чем?

— Парадоксом, — сказал Андрей, целуя её в висок. — Она думала, что второй брак — это значит «моложе». Получилось «мудрее». Ей труднее.

— Мне тоже, — сказала Вика, не оборачиваясь. — Особенно когда твоя мама приходит и спрашивает, как я собираюсь сохранить вам очаг.

— Она не спрашивает.

— Она утверждает.

Андрей засмеялся, но так, как не смеются в этой семье, — неловко, извиняясь.

В семь к Красовским пришли Савицкие. Пётр вошёл, поздоровался, отдал шубу дворецкому — дворецкий у Красовских был один, и звали его Гриша, и был он не дворецким, а поваром, но все звали дворецким, потому что так было удобнее.

— Петр Аркадьевич, — сказал Андрей, — рад видеть.

— Андрей Павлович. — Пётр пожал руку так, что становилось ясно: рукопожатие — это протокол, а не жест. — Вы, я слышал, подали в суд.

В гостиной стало тихо. Вика поставила бокал на стол — медленно, чтобы не звенело.

— Мы подали иск о возврате участка, — сказал Андрей. — Тридцать лет прошло, Петр Аркадьевич. Но документы всё равно те. А документы врут.

— Документы не врут, — сказал Пётр. — Врут люди. Документы — это просто бумага.

— Бумага, — повторил Андрей. — И у меня есть бумага оригинальная. А у вас — копия, где подпись моего отца стоит на том месте, где должна стоять подпись нотариуса.

Вика смотрела на Петра. Тот смотрел на Андрея. Между ними стоял тридцатилетний снег, двадцать лет тишины и один молчаливый дом.

— Пусть решает суд, — сказал Пётр наконец. — У вас все получилось. Суд.

— Вы звучите так, будто это плохо.

— Суд — это когда правда становится публичной. Вы уверены, что хотите публичности, Андрей Павлович?

Андрей медлил ровно одну секунду. Эту секунду заметила Вика.

— Мы уверены, — сказала она за мужа.

Пётр перевёл взгляд на неё. В его глазах впервые за вечер мелькнуло что-то живое.

— Как молодо, — сказал он. — Уверенность в чужом деле — самый дешёвый товар.

— Самый дорогой, — возразила Вика. — Особенно если купить её нечем.

Пётр улыбнулся — впервые за вечер по-настоящему. Потом выпил бокал, посмотрел на часы и, как предсказывала Вика, уехал в одиннадцать.

Даша осталась ещё на двадцать минут. Она мыла посуду у Красовских — не потому, что просили, а потому что так было принято в её доме: «хозяйка не сидит на чужой кухне без дела».

— Вы не обязаны, — сказала Вика.

— Я знаю, — сказала Даша. — Просто мне так спокойнее.

— Вы боитесь, что все смотрят?

— Все смотрят всегда. Просто иногда они смотрят в одну сторону, а я — в другую.

Вика помолчала.

— Дашенька, а вы когда-нибудь были в Куршевеле?

— Нет.

— Собирайтесь. Весной. Там есть коттедж, где снимался один французский фильм, и хамам с видом на гору. И там никто не спрашивает, кто чья жена.

— А что там спрашивают?

— Там спрашивают, зачем ты живёшь. — Вика улыбнулась. — Неудобный вопрос. Здесь его не задают.

Даша отставила тарелку.

— А вы уже ответили?

— Я собираюсь, — сказала Вика.

И то, как она это сказала, — не «думаю», не «решаю», а именно «собираюсь», как собирают чемодан, — Даша запомнила. Позже, когда всё начнётся, это слово вернётся к ней.

Глава 4. 4. Максим

Максим вернулся из Лондона в понедельник, без предупреждения, как возвращаются из поездок, о которых нельзя было рассказывать.

Такси остановилось у ворот в одиннадцать вечера. Из машины вышел Максим — высокий, в чёрном пальто, с одним чемоданом и таким лицом, будто вез не багаж, а плохие новости.

— Максимилыч! — выкрикнула из кухни Лиза-2, вторая Лиза в доме, та, что работала на кухне. — Живой!

— Живой, — сказал Максим. — Пока.

Он вошёл в дом, поцеловал руку Анне Сергеевне, поцеловал Дашу в щёку, неловко, как целуют мачеху, которую не выбирал, но к которой привык, как привыкают к морозу.

— Отец дома?

— В кабинете. Не спит.

— А когда он спит?

— По вторникам, — сказала Анна Сергеевна, и Максим улыбнулся — впервые за вечер.

Он поднялся наверх. Дверь кабинета была закрыта, но не заперта. Максим постучал и вошёл.

Пётр сидел за столом, читая бумаги. Бумаги были синие — такие держат в папке с надписью «Красовские».

— Ты вернулся, — сказал Пётр, не поднимая головы.

— Я вернулся.

— Что там? — Пётр наконец поднял глаза.

— Лондон дорогой.

— Лондон всегда дорогой.

— Лондон, где живёт человек с документами на участок Красовских, — дороже, — сказал Максим.

Пётр положил папку. В комнате стало очень тихо.

— Куда ты ездил?

— Туда, где тебя нет.

— Максим...

— Папа. — Максим сел напротив, снял пальто, бросил на спинку стула. — Я хочу знать правду о маме. Не ту, которую ты дал мне в двенадцать, не ту, которую дала Вадимова тётя в двадцать. Правду.

— Ты не готов.

— Я тридцать три года не готов. Достаточно.

Пётр смотрел на сына — и в этом взгляде было всё: гордость, страх, любовь, отцовская бессонница, тридцать лет вранья, надевших на Пётра костюм, в котором он сам уже не мог сказать, где ткань, а где кожа.

— Правда стоит дороже, чем ты думаешь, — сказал он наконец.

— Я знаю. Я в Лондоне и занимаюсь ценами.

— Ты не понимаешь. — Пётр встал, подошёл к окну. За окном шёл снег, тот же, что и в девяносто четвёртом, без изменений. — Правда — это когда человек, которого ты любишь, перестает быть тем, кем ты его считал. И остается тем, кем он был всё это время. Понимаешь? Это одно и то же лицо. Просто ты узнавал его неправильно.

— Мама?

— Мама, — сказал Пётр, не оборачиваясь. — И земля. И Вадим. И Красовский. И ещё много чего, чего ты не знаешь.

— Скажи мне.

— Не сегодня.

— Почему?

— Потому что сегодня у тебя свадьба не в этом месяце, а в следующем, и Катя не должна знать, что твой отец — человек, который...

— Который что? — спросил Максим тихо.

Пётр долго молчал.

— Который старался, — сказал он наконец. — Иди спать, Максимилыч.

Максим вышел из кабинета. В коридоре его встретила Даша — в халате, с чаем, в тапках с мышками.

— Хочешь какао? — спросила она.

— Даш...

— Я уже сварила. Третье. Первое я выпила, второе выбросила. Третье — тебе.

Максим смотрел на неё. Странная женщина, которую выбрал отец, из которой он не знал, что думать. И которая в два часа ночи варит какао и ждёт его с третьей кружкой, не зная, что сын хочет знать, кто убил его мать.

— Спасибо, — сказал он.

— Пожалуйста, — сказала Даша. — Пей, пока горячее. И запомни: если отец не сказал сегодня, это не значит, что не скажет никогда. Это значит, что ему нужно время. Взрослым тоже нужно время. Просто мы о нём молчим, потому что нам стыдно, что оно нужно.

Максим пил какао и не знал, что Даша слышала всё через дверь. Что весь дом слышал. Дома всё слышат — это их единственный дефект и единственный талант.

Глава 5. 5. Лиза

Лиза приехала на юбилей отца из Петербурга, как приезжала всегда: поездом, одна, с двумя сумками — одной большой и одной пустой.

Пустую сумку она привозила специально. В неё она потом складывала всё то, что не могла сказать вслух, — и увозила обратно.

— Елизавета Петровна, — встретил её Аркадий Иванович, открывая дверь. — Давно вас не было.

— Полгода, Аркадий Иванович.

— Восемь месяцев, — уточнил он.

— Восемь месяцев — это тоже давно.

— Восемь месяцев — это почти девять.

— Не лезь, — сказала Лиза, но улыбнулась.

Аркадий Иванович был старше её лет на двадцать — он служил в этом доме со времён первой жены, и его молчание стоило дороже, чем любые показания.

— Она внизу? — спросила Лиза.

— Кто — она?

— Ты знаешь, кто. Новая.

— Дарья Владимировна в оранжерее. Срезает гиацинты.

— Гиацинты в марте?

— Дарья Владимировна умеет.

Лиза прошла через дом, не задев ни одной вещи. Так ходят те, кто рос здесь и знает каждую ступеньку наизусть, — но не знает, как теперь звать этот дом.

Оранжерея пахла землёй. Даша стояла на коленях у грядки, в резиновых сапогах, с ножницами, и срезала гиацинты — белые, ещё не распустившиеся.

— Здравствуйте, — сказала Лиза, встав в дверях.

Даша обернулась. Между ними было двенадцать лет разницы, одна общая фамилия и один и тот же мужчина.

— Здравствуйте, — сказала Даша. — Вы — Лиза.

— Вы — Даша.

— Да.

— Вы срезаете гиацинты?

— Они мешают розам.

— Гиацинты никогда не мешают розам. Их просто не любят, когда они пахнут сильнее.

Даша выпрямилась. По её щеке сползла капля воды.

— Умно, — сказала она.

— Мне нужно выпить, — сказала Лиза. — У вас есть что-нибудь, что не из погреба?

— Есть чай. Кофе. И вино из Техаса.

— Техас?!

— Пётр Аркадьевич купил. Он считает, что если дорого — значит вкусно. Я считаю, что если дорого — значит дороговизна. Выпьете?

— Выпью.

Они сидели на кухне, за маленьким столом, который стоял у окна — «для прислуги» по табличке, которую Лика давно сняла, но след от неё остался. Пили техасское вино.

— Почему вы приехали? — спросила Даша.

— Юбилей отца.

— Вы могли позвонить и поздравить.

— Могла. — Лиза посмотрела в бокал. — Но восемь месяцев — это почти девять. И я хотела посмотреть на вас.

— И как?

— Вы говорите «вы», потому что не знаете меня. — Лиза усмехнулась. — Я — тот человек, который уехал из этого дома в семнадцать, потому что увидел в кабинете отца папку с синей клеёнкой. И понял больше, чем надо было в семнадцать.

— Что в папке?

— Не знаю. Знаю только, что после неё мама больше не спала с отцом. И что через год её не стало. Официально — уехала в Италию и не вернулась.

— Пётр Аркадьевич говорит — умерла.

— Он говорит, что умерла от рака. Красивая болезнь для красивой женщины. — Лиза отпила. — А я думаю, что она просто выбрала самый честный выход из дома, в котором нельзя было сказать правду вслух.

Даша молчала.

— Вы её любите? — спросила Лиза вдруг.

— Кого?

— Папу.

Даша поставила бокал.

— Я замужем за ним шесть лет. Из них три — я была влюблена. Два — я была удобна. Один — я выбрала сама.

— Что это значит?

— Это значит, что в этом году я впервые не думаю о том, что скажет посёлок. — Даша посмотрела ей в глаза. — Лиз, я не знаю, что было в девяносто четвёртом. Я знаю только то, что вижу: человек, который живёт с этой тайной, уже не человек, а архив. И я живу с архивом. Понимаете?

— Понимаю. — Лиза отпила. — Я живу с этим же архивом. Только у меня есть комнатка: я уехала.

— Может, стоит вернуться?

— Вернуться в архив?

— Вернуться к отцу. Он стареет, Лиза.

— Он стареет в кабинетах, а не в людях. — Лиза поднялась. — Я уеду в воскресенье. Папе передайте, что я поздравляю с юбилеем. И что...

— Что?

— Что «открыла синюю папку» — это не про твою семью. Это про всё посёлком.

Лиза ушла наверх, к себе. Даша осталась на кухне, с пустым бокалом и мыслью, которую не смогла бы объяснить даже Жене: слово «всё» звучало не как угроза, а как истина, которая уже стоит в очереди и ждёт своей минуты.

Глава 6. 6. Юбилей

Юбилей Пётр Аркадьевич праздновал в ресторане «Волна» — на тридцать этаже небоскрёба, который сам же и построил.

«Волна» была его любимым местом не из-за еды, а из-за вида: отсюда посёлок Сосновый Бор был виден весь, со всеми домами, елями и участками, и выглядел маленьким, как игрушечный город. С этой высоты не было ни Красовских, ни судов, ни тайн. Только огни.

— Тост! — крикнул Вадим, вставая. — За Петра Аркадьевича! За человека, который построил пол-области и...

— И ещё одну половину, — докончил кто-то из-за стола.

Смех. Вадим выпил и сел.

За столом сидели: Даша, Максим с Катей, Лиза (сидела у стены, пила вино и смотрела в окно), Вадим, Федя — сын Вадима, — Анна Сергеевна и Аркадий Иванович (их посадили отдельно, но наравне со всеми — Даша настояла), Вика с Андреем, Женя — подруга Даши с камерой, Тамара Георгиевна — мама Даши.

— Петр Аркадьевич, — сказала Тамара Георгиевна, — вы знаете, что моя дочь из вас сделала человека?

— Сделала?

— Она теперь находит трюфель в супермаркете и не брезгует.

— Мама, — сказала Даша.

— Я говорю комплимент.

— Комплименты от вас — это всегда приговор, — заметила Катя, и все засмеялись.

Пётр поднялся.

— Я не буду длинно, — сказал он. — Спасибо, что пришли. Спасибо, что живы. Я построил много домов. И только один из них — мой. Остальные — чужие. Я хотел бы, чтобы тот, который мой, простоял дольше всех. И чтобы в нём не было синих папок.

За столом стало тихо. Все поняли. Все промолчали.

— Тост, — сказал Вадим, поднимая бокал. — За то, чтобы синих папок не было!

— За это не пьют, — сказала Лиза, не оборачиваясь от окна. — За это молятся.

Вадим посмотрел на неё и выпил с гримасой.

После ужина, когда официанты уносили свечи, Даша заметила, что Вадим куда-то отлучился. Найдя его в курилке, она спросила:

— Вадим Сергеевич, вы могли бы объяснить мне, что происходит с судом?

— Дарья Владимировна...

— Я жена Петра Аркадьевича. Я имею право знать.

— Вы имеете право знать то, что Пётр Аркадьевич вам расскажет. — Вадим затушил сигарету. — Всё остальное — коммерческая тайна.

— Значит, это коммерческая тайна, — сказала Даша. — Хорошо. Тогда у меня вопрос к Феде.

Вадим повернулся.

— Федя — молодой. Он знает меньше тебя. Он может сказать больше. Я права?

Вадим долго смотрел на неё.

— Дарья Владимировна, а вы не боитесь знать то, что знаете?

— Я боюсь не знать, — сказала Даша. — Незнание в этом доме — самая дорогая роскошь. А она мне не по карману.

Вадим усмехнулся — впервые за вечер по-настоящему.

— Федя работает в Москве до пятницы. Потом я его отпущу, — сказал он. — И это всё, что я могу вам сказать.

— Этого достаточно, — сказала Даша и вернулась в зал, где Пётр Аркадьевич смотрел в окно на посёлок, на свои дома, на маленькие игрушечные огни, за которыми шла обычная жизнь, полная тайн, судов и молчания.

Глава 7. 7. Катя

Катя узнала, что беременна, в понедельник утром — в ванной, с тестом в руке, и первые две минуты думала не о Максиме, а о том, как сказать это Анне Сергеевне, чтобы та не начала готовить пельмени.

— Максим, — сказала она вечером.

— Что?

— Мы будем родителями.

Максим молчал. Потом встал, подошёл, обнял её — так крепко, что она почувствовала, как у него дрожат руки.

— Ты не рад? — спросила она.

— Я не знаю, как это, — честно сказал он. — Радоваться — это когда ты знаешь, что будет дальше. А я не знаю. Я даже не знаю, будет ли у нашего ребёнка фамилия, которую можно произносить вслух.

— Максим...

— Катя, — он сел на край кровати. — Я узнал кое-что про маму. И я не могу рассказать тебе, потому что не уверен до конца. Но это меняет всё. Даже имя ребёнка. Даже то, где мы будем жить.

— Расскажи.

— Не сейчас.

— Максим, — Катя села рядом. — Я твоя жена. Не сейчас — это значит «никогда». Так устроен этот дом. Я знаю. Я живу в нём полгода и уже знаю, что «не сейчас» — это способ не говорить никогда.

Максим смотрел на неё. У неё был прямой взгляд, тихий голос и очень ясные глаза — те самые, в которых всегда отражалось то, что она думает, без купюр.

— Если я скажу, — начал он, — ты не сможешь потом сказать, что не знала.

— Я никогда не говорила, что не знаю.

— Это рискованно.

— Я беременна, Максим. Риск для меня — это скорее необходимость, чем возможность.

Максим вздохнул.

— Моя мама не умерла, — сказал он тихо. — Её нет в посёлке с девяносто четвёртого года. Отец говорит «умерла». Бабушка по линии отца говорила «уехала». Вадимов тётя говорила «исчезла». А я нашёл в Лондоне человека, который работает с архивами, и он сказал, что гражданку Савицкую Елену Сергеевну видели в Женеве в две тысячи одиннадцатом. Живой. Здоровой. С другим паспортом.

Катя не могла говорить тридцать секунд.

— Она не хотела возвращаться? — спросила она наконец.

— Он не знает. Знает только, что она живёт. И что зовут её теперь по-другому.

— Что это значит, Максим?

— Это значит, что мой отец все эти годы лгал мне про мать. Что она уехала не потому, что умерла, а потому что захотела уйти. И что он позволил всему посёлку считать её мёртвой.

— Зачем?

— Затем, что правда о ней — это правда о нём. И о земле. И о Красовских. И о ночи, когда она ушла.

Катя положила руку ему на плечо.

— Максимилыч, — сказала она тихо, — слушай меня. Всё, что ты сейчас сказал, — это правда про твоего отца. Но не вся. Есть ещё куски. И пока ты не соберёшь их все — не принимай решений. Не называй имён. Не вставай на сторону.

— На чью сторону мне вставать?

— Ни на чью. Сторона — это то, что потом хуже всего, — сказала Катя. — В этом доме стороне есть у каждого. Кроме тех, кто просто хочет знать правду.

— А такие есть?

— Есть. Я. И, кажется, Даша.

За окном начинало темнеть. Внизу, в оранжерее, Даша поливала гиацинты, не зная, что о них говорят наверху, и не зная, что через полгода эти цветы будут единственными, которые выживут в этом доме — потому что они растут в земле, которую не купишь.

Глава 8. 7а. Марина

Марина приехала из Риги в феврале — школьная подруга Кати, та, с которой они двенадцать лет назад красили волосы хной и мечтали «уехать в Москву и стать кем угодно».

Марина стала кем угодно: она была дизайнером и жила в Риге, в квартире с окнами на канал, и в этом канале плавали лебеди, которых она кормила по утрам.

— Ты не изменилась, — сказала Марина, оглядев кухню.

— Изменилась. У меня живот.

— Это не то, о чём я. — Марина села. — Ты не изменилась внутри. Ты всё ещё та, которая в одиннадцатом классе сказала завучу: «Мне не нужны ваши награды, мне нужен отдых». И ты до сих пор говоришь только то, что думаешь.

— А ты?

— А я научилась говорить не то, что думаю. Это профессия. — Марина отпила чай. — Дизайнер, который говорит всё, что думает, — не дизайнер. Дизайнер, который говорит то, что хочет клиент, — художник.

— А что хочешь ты?

— Я хочу, чтобы мой муж вернулся из командировки и заметил, что я сменила цвет волос.

— Заметил?

— Заметил. — Марина улыбнулась. — Но он в командировке четыре месяца. И я уже не помню, какого цвета волосы он помнит.

— Максим не заметит?

— Максим — не муж. Максим — это то, о чём ты говоришь по телефону, когда тебе плохо. — Марина посмотрела в окно, на посёлок. — Катя, я приехала не погулять. Я приехала, потому что мне не с кем поговорить.

— Говори.

— Я боюсь, — сказала Марина. — Мне тридцать. У меня есть всё: квартира, работа, муж, которого я выбрала сама. И я боюсь. Каждое утро. Я просыпаюсь и думаю: «А что если всё это — не моё? Что если я просто притворяюсь взрослящей? Что если настоящий я — тот, который остался в одиннадцатом классе, с хной в волосах и мечтой про Москву?»

— И что?

— И ничего. Я думаю и иду на работу. — Марина посмотрела на неё. — А ты боишься?

— Боюсь родов. Боюсь, что ребёнок будет с глазами Петра Аркадьевича — и в этом не будет ничего плохого, но будет что-то, чего я не пойму. Боюсь, что мой муж однажды станет таким же, как его отец: человеком, у которого есть два лица.

— Он уже?

— Не знаю. В этом доме никто не знает. — Катя посмотрела в окно. — Марина, я боюсь не родов. Я боюсь этого дома. Здесь все так хорошо живут — и все так глубоко молчат. И я иногда думаю: может, молчание — это и есть цена роскоши? Ты платишь молчанием — и получаешь дом, машину, поездки. Молчание — это валюта. И курс её — выше рубля.

— Кто сказал?

— Даша. — Катя улыбнулась. — Она говорит такие вещи — и в них всегда есть правда. Даже когда она шутит.

Вечером Марина уехала — обратно в Ригу, к лебедям, к мужу, к работе, к страху, который она несла в себе, как несут тяжелую сумку: не потому, что нужна, а потому что привыкла.

На перроне она сказала Кате:

— Катя, я не сказала тебе главную причину, по которой приехала.

— Какую?

— Я приехала, чтобы убедиться, что ты настоящая. — Марина обняла её. — И ты настоящая. Не меняйся. Правда в этом посёлке — редкость. Как лебеди в Риге: вроде есть, но никто не верит.

Глава 9. 8. Отель

Пётр купил старую гостиницу «Двенадцать» в Твери — на деньги, которые не показывал даже Вадиму.

— Зачем? — спросил Вадим, когда узнал. — Двенадцать номеров. Старый дом. Дым из трубы.

— Для памяти, — сказал Пётр.

— Чьей?

— Моей.

Вадим не понял. Через месяц понял: Пётр начал реставрацию. Каждую деталь — от порога в номере «девять» до двери, которую кто-то в девяносто четвёртом заколотил гвоздями, — он восстанавливал по своим фотографиям. Фотографий было много. Пётр снимал этот дом в девяносто четвёртом — каждую неделю, с одного ракурса. Оказалось, фотографировать его кто-то научил Елена.

— Она снимала сюда, — сказал Пётр однажды Даше, когда они стояли в холле «Двенадцати». — Она была фотографом. Профессионально. И всё, что здесь происходило, попадало в её объектив.

— А что здесь происходило?

— Жизнь, — сказал Пётр. — Обычная жизнь, которая потом превращается в тайну, когда её никто не охранял.

Даша смотрела на стены. Они были новые — не те, что были в девяносто четвёртом. Пётр менял всё, кроме одного: двери с гвоздями. Её он оставил. «Это память», — сказал он.

— Память о чём? — спросила Даша.

— О том, как один человек решил закрыть дверь и больше не возвращаться, — сказал Пётр. — И у него получилось. Двадцать лет — и дверь всё ещё закрыта.

— Он сейчас жив?

— Дверь заперта, Дарья Владимировна.

— У дверей всегда есть ключи.

— Не у всех.

— У вас?

Пётр долго молчал.

— Есть, — сказал он наконец. — Просто я не решался его достать двадцать лет.

Вернувшись в посёлок, Даша пошла к Анне Сергеевне.

— Анна Сергеевна, вы знали Елену?

Анна Сергеевна мыла хрусталь. Мыла очень тщательно, как будто в нём было что-то ещё, кроме вина и гостиничных жиров.

— Я её знала, — сказала она наконец.

— Какой она была?

— Красивой. Тихой. Снимала всё, что двигалось. Готовила вкусно. Пела под гитару — старые песни, про побережье.

— Она знала про землю?

— Все знали про землю, — сказала Анна Сергеевна. — Земля была самая хорошая: вдоль соснового бора, с выходом к реке. Красовский держал её для себя. Для сына, который должен

был родиться. Она не родилась — сын умер в роддоме. И Красовский остался один с бумагой и мечтой.

— А потом?

— Потом Пётр Аркадьевич купил эту землю у Красовского. По документам. Всё правильно.

— Правильно?

— Правильно, — повторила Анна Сергеевна. — Есть правила, а есть то, что происходит между людьми. Иногда они не совпадают.

— И Елена?

— Елена была подругой жены Красовского. — Анна Сергеевна отставила бокал. — Она узнала о сделке от подруги. И ей было стыдно за мужа. И стыдно — это то, от чего женщине с телефоном трудно остаться рядом.

— Вы считаете, она ушла из-за стыда?

— Я считаю, что она ушла. Причина — это то, что придумывают остальные.

В дверь постучали. Аркадий Иванович вошёл, склонил голову.

— Анна Сергеевна, Пётр Аркадьевич спрашивает, можно ли ему в оранжерею. Дарья Владимировна там поливает.

— Пусть идёт, — сказала Анна Сергеевна. — Оранжерея общая.

Аркадий Иванович вышел. Анна Сергеевна снова взяла бокал.

— Дарья Владимировна, — сказала она тихо, — есть одно правило в этом доме: если человек не говорит — это не всегда значит, что молчит. Иногда это значит, что у него закончились слова, но не причина.

— А у вас?

— У меня всё есть. Слова и причина. Просто я не хочу, чтобы Пётр Аркадьевич узнал о причине от меня. Это его право — рассказать самому. И его ответственность.

— А если он не расскажет?

— Тогда расскажет время. Оно всегда рассказывает последним — но самым громким.

Глава 10. 9. Письмо

Письмо лежало в нижнем ящике кабинета, в папке с синей клеёнкой, под семьём других папок с теми же надписями. Написано было двадцать лет назад — чернилами, от руки, аккуратным почерком, за которым угадывалась рука, которой владели не только слова, но и молчание.

«Пётр.

Если ты читаешь это письмо, значит, меня больше нет — или я нашла способ исчезнуть так, что меня больше не будут искать.

Я не буду объяснять. Объяснения только развязывают тот узел, который лучше оставить нетронутым — но всё, что я скажу сейчас, ты узнаешь в суде. Так честнее.

Если Максим станет взрослым и спросит про меня — скажи ему правду. Не ту, которую ты придумал. Настоящую. Потому что ребёнку, который вырос на лжи, трудно поверить в правду. Но ещё труднее — поверить в ложь, когда она заканчивается.

Я не сержусь. Я устала. И это разные состояния — сержусь и устала. Сержусь — это про тебя. Устала — это про меня.

Не ищи меня. Если я захочу — я вернусь. Если не захочу — значит, тебе этого не нужно.

Елена».

Письмо нашла Даша — случайно, когда искала документы о страховке на дом. Она не читала его тогда. Положила обратно в папку и закрыла ящик.

Потом думала о нём неделю. Десять дней. Две недели.

В пятницу она открыла ящик снова, достала папку и написала на ней жирным маркером: «НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО СМЕРТИ».

— Дарья Владимировна, — в кабинет вошёл Аркадий Иванович, — Анна Сергеевна спрашивает, на ужин ставить...

— Стой. — Даша подняла на него глаза. — Аркадий Иванович. Ты же был здесь в девяносто четвёртом.

— Я был, Дарья Владимировна.

— Ты видел, как она ушла?

Аркадий Иванович долго молчал. Потом сел — впервые за двадцать лет он сел в присутствии хозяйки дома, не спрашивая разрешения.

— Я видел, как она вышла, — сказал он. — Дверь на веранду. Пальто, сумка, фотоаппарат. Кольцо она сняла.

— Куда она пошла?

— В сторону Твери. Оттуда шли поезда.

— Ты звонил Петру Аркадьевичу?

— Он был на съезде в Москве. Я звонил Вадиму Сергеевичу.

— Что сказал Вадим?

— «Не пиши». — Аркадий Иванович замолчал. — Так и сказал: «Аркадий Иванович, ничего не пиши, и вообще — ты видел кольцо?»

— Кольцо?

— Кольцо она оставила. Оно лежало на снегу. Я его поднял и отдал Вадиму Сергеевичу. Он сказал: «Отдай Петру Аркадьевичу, когда он вернётся». Я не отдал. Я боялся.

— А потом?

— Потом я его продал. Через год. На Юрьевском рынке, где продавали всё, что было. Купил Анне Сергеевне ноутбук, а себе — зимние сапоги.

— Анне Сергеевне?

— Анне Сергеевне было двадцать три года. Она была молодая. И она не знала про кольцо. Я не сказал ей. Я не мог.

— Почему?

— Потому что она была влюблена в Максимилыча, — сказал Аркадий Иванович просто. — А Максимилыч — сын той, что ушла. И я думал, что если она узнает, что кольцо продано, она перестанет верить в этот дом. А я хотел, чтобы этот дом был настоящим. Хоть раз.

Даша сидела очень тихо.

— Аркадий Иванович, — сказала она наконец, — почему ты не сказал Петру Аркадьевичу?

— Я сказал ему через месяц: «Елена Сергеевна ушла и не вернулась». Он сказал: «Я знаю». И не спрашивал больше. Я понял, что он не хочет знать.

— А теперь?

— Теперь суд, Дарья Владимировна. — Аркадий Иванович встал. — Суд не спрашивает, хочет ли человек. Суд просто спрашивает. И на вопрос «где Елена» у меня есть ответ: «В Твери». И это правда.

— Он поедет в Тверь?

— Нет. — Аркадий Иванович посмотрел в окно. — Он не поедет в Тверь, пока не закончится суд. Потому что в Твери живёт человек, который знает всё. И если Пётр Аркадьевич поедет туда раньше, чем суд скажет правду, он будет человеком, который пытался скрыть свидетеля.

Даша молчала.

— А если суд скажет правду?

— Тогда Пётр Аркадьевич поедет в Тверь, — сказал Аркадий Иванович. — И вернётся не тем, кем уехал. Или не вернётся вовсе.

Он вышел. Даша посмотрела на папку, на надпись «НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО СМЕРТИ» и подумала о том, что надпись надо было писать иначе: «ОТКРЫВАТЬ ПОСЛЕ ПРАВДЫ». Правду в этом доме не любили. Правду здесь называли «скандалом», «провокацией» и «недостойным поведением».

Правду здесь просто ждали. Года двадцать пять.

Глава 11. 9а. Настя

Настю Даша нашла в «Кедре» — в феврале, за пирожками.

Девочке было четырнадцать. Она сидела за самым дальним столиком и решала что-то в тетради — не домашнее задание, а что-то своё, с чертежами.

— Что это? — спросила Даша.

— Рецепты. — Настя подняла голову. — Я придумываю.

— Придумываешь?

— Да. Я не умею готовить. Но я умею придумывать. — Она показала тетрадь. Там было написано: «Пельмени с тыквой и орехом. Тесто — ржаное. Соус — сметана и мёд». — Дуся говорит, что это невозможно. А я думаю, что возможно. Просто ещё никто не пробовал.

— А ты пробовала?

— Нет. Нет денег на тыкву.

Даша села напротив.

— Как тебя зовут?

— Настя.

— Из Юрьевца?

— Из Юрьевца. — Настя посмотрела на неё с подозрением. — А что?

— А то, что я тоже оттуда.

— Не бывает.

— Бывает. Школа номер два. Физрук — Гаврилов.

— Гаврилов сейчас там же. — Настя улыбнулась впервые. — Только теперь он учит не бегать, а ходить. Ему семьдесят.

— Ты ходишь в школу?

— Хожу. В девятый класс. — Настя закрыла тетрадь. — Но мне это не интересно. Мне интересно вот это.

— Придумывать?

— Придумывать. — Настя посмотрела ей в глаза. — А ты кто?

— Дарья. Жена Петра Аркадьевича Савицкого.

— Савицкого? — Настя присвистнула. — Того, кто построил пол-области?

— Того.

— И что ты делаешь в «Кедре»?

— Покупаю пирожки. — Даша улыбнулась. — И, кажется, нашла ученицу.

Настя пришла в «На дне» через месяц — с той же тетрадью, в которой теперь было сорок рецептов.

— Ты пробовала? — спросила Даша.

— Пробовала. Тыквенные пельмени — провал. Тесто развалилось. — Настя села. — Но я не расстроилась. Я поняла: если развалилось — значит, надо добавить яйцо. Или муки. Или изменить пропорцию. Рецепт — это не то, что даёт готовый результат. Рецепт — это то, что даёт возможность пробовать.

— Кто тебя этому научил?

— Никто. — Настя открыла тетрадь. — Я сама. Но ты спросила, а я ответила. Это, кажется, и есть урок.

— Настя, — Даша села напротив. — Я не буду тебя учить готовить. Я буду учить тебя другому.

— Чему?

— Не бояться пробовать. — Даша посмотрела в окно, на посёлок. — Здесь все боятся пробовать. Здесь все делают то, что «принято». И то, что «принято», — это не жизнь. Это — форма. А форма без содержания — это пыль.

— А что содержание?

— Содержание — это то, что ты хочешь сказать. — Даша улыбнулась. — Рецептом. Словом. Поступком. Всё остальное — форма.

— А если скажешь — и не поймут?

— Не поймут — попробуют ещё раз. — Даша встала. — Настя, ты будешь приходить сюда по субботам. Мы будем готовить. Не то, что «принято». То, что ты придумала. И если будет провал — мы будем смеяться. Смеяться — это тоже форма содержания.

— А если будет удача?

— Тогда будет правда. — Даша посмотрела ей в глаза. — Правда — это то, что получилась. И не важно, как она выглядит. Важно, что она твоя.

Настя приходила по субботам весь год. За этот год она придумала двенадцать рецептов — и все они вошли в меню «На дне». Один из них — пельмени с тыквой, которые, как оказалось, делала когда-то Елена Сергеевна, — вошёл в историю посёлка как «пельмени правды».

— Почему «правды»? — спросила Настя.

— Потому что они сделаны не по форме, а по содержанию, — сказала Даша. — И это — самая большая правда в этом доме.

Глава 12. 10. Вадим

У Вадима Сергеевича была таблица. Не в голове — в телефоне, в файле, который он обновлял каждый вечер.

Столбцы: «Объект», «Сумма», «Кто», «Когда вернуть», «Состояние».

Состояния было четыре: «ждёт», «думает», «отказался», «случилось».

«Случилось» было самое страшное. Оно значило, что событие произошло — и теперь за ним будет кто-то другой: суд, налоговая, семья.

Вадим вёл таблицу с две тысячи седьмого года. За это время в столбце «случилось» появилось сорок два имени.

Вечером в четверг Вадим сидел на даче у Федина — он построил дачу сыну, когда тому исполнилось восемнадцать, — и смотрел, как Федя режет лук.

— Ты опять его режешь как для войны, — сказал Вадим.

— Это для борща.

— На войне тоже ели борщ.

Федя усмехнулся.

— Пап.

— Что?

— Красовские. Это правда, что у них документы?

— Какие документы?

— Оригинал сделки девяносто четвёртого. Говорят, отец Красовского копию не отдал нотариусу. А нотариуса подделали.

— Кто говорит?

— Все. Аня, Марина, Лиза из оранжереи. И еще одна Лиза, из кухни. Она сказала, что если суд увидит оригинал, дела пойдут не в вашу пользу.

— Лиза из кухни — умная, — сказал Вадим. — И правильно говорит.

— А вы что скажете?

— Я скажу, что документы не главный вопрос, — Вадим отставил вилку. — Главный вопрос: почему об этом знал Красовский, а мы — нет.

— У него был человек в вашем доме?

— В нашем доме был человек, который работал на Красовского, — сказал Вадим. — И я его нашёл.

— Кто?

Вадим молчал.

— Пап.

— Федя, — Вадим посмотрел сыну в глаза, — есть вещи, которые знаешь ты, я и Пётр Аркадьевич. Есть вещи, которые знаешь ты и я. И есть вещи, которые знаю только я.

— И это значит?

— Это значит, что когда я скажу Пётру Аркадьевичу, что человек нашёлся, надо быть готовым к тому, что произойдёт с домом.

— Что произойдёт?

— Дом развалится, — сказал Вадим спокойно. — Не физически. Метафорически. Начнутся выяснения. Кто кому верил. Кто кого продал. Кто кого любил. И в конце все поймут, что дом, в котором тайна, — это не дом, а чемодан без ключа: вроде и стоит, и вроде у стены, и вроде у окна, но никто не знает, что внутри, потому что ключа нет.

— Так откройте чемодан.

— Чемодан открыт, Федя. — Вадим встал. — Просто внутри не то, что ждут.

— А что там?

— Там правда. — Вадим надел пальто. — Правда всегда пугает. Правда — это то, чего в этом доме боялись все эти годы.

Он ушёл. Федя остался на кухне с борщом и вопросом, на который не было ответа: если папа знает, кто человек, — почему не говорит Петру Аркадьевичу?

Ответ Федя нашёл сам, когда мыл тарелку: потому что если Вадим скажет Пётру Аркадьевичу, что человек нашёлся, Пётр Аркадьевич спросит: «А почему ты не сказал раньше?»

И Вадиму придётся ответить: «Потому что я думал, что это я».

А это — правда, которую Вадим не готов был сказать даже сам себе.

Глава 13. 10б. Ледовый вечер

В начале февраля у Красовских был традиционный «ледовый вечер»: каток во дворе, стол в доме, свечи на ёлках — те самые, что сажал дед Красовского.

Приглашали весь посёлок. Савицкие не приходили двадцать восемь лет. В этом году Вика прислала приглашение лично Даше — не в конверте, а в Whats App: «Дашенька, приходи. Пётр Аркадьевич не обязан. Приходи одна».

— Она пригласила меня, а не его? — спросила Даша у Петра.

— Она всегда так делала, — сказал Пётр. — Красовские приглашают по частям. Это их политика.

— А ты пойдёшь?

— Нет.

— Почему?

— Затем, что если я приду, они будут играть не в гости. Они будут играть в суд. — Пётр вернулся к бумагам. — А суд у нас в марте.

Даша пошла одна.

Ледовый вечер был как в старые времена — по рассказам Аркадия Ивановича: гирлянды, глинтвейн, каток, на котором дети гоняли шайбу, и взрослые, которые делали вид, что не смотрят на чужих жён.

Вика встретила её у двери.

— Ты пришла.

— Я пришла.

— Пётр?

— Не пришёл.

— Он никогда не приходит. — Вика повела её в дом. — Идём. Я хочу показать одну вещь.

В кабинете Красовского — Андрея — на стене висели фотографии. Старые, чёрно-белые: посёлок в девяностые, стройка, поле, река.

— Сними одну, — сказала Вика.

Даша сняла с стены фотографию — самую крайнюю, маленькую.

На ней была река. У берега стоял дом — недостроенный, с открытыми окнами, без стекла. А на первом этаже, у окна, — женщина с фотоаппаратом.

— Это она? — спросила Даша тихо.

— Это она, — сказала Вика. — Елена Сергеевна. Твоя предшественница.

— Откуда у тебя эта фотография?

— Мой муж сделал её в девяносто третьем. Стройка «Монако» — его отца. Она фотографировала всё. Она была нашей фотографом. Официально. — Вика села. — А потом, в девяносто четвёртом, она исчезла. И мы решили, что она уехала с Петром. А Петр решил, что она уехала от него. И посёлок решил, что она умерла. И все двадцать восемь лет никто не спросил её саму.

— А ты?

— Я спросила. — Вика посмотрела на неё. — Два года назад. По телефону. Она не ответила. Но через месяц мне пришло письмо.

— Письмо?

— Да. Без подписи. Просто фотография. — Вика достала из ящика стола конверт. — На ней — река. И дом «Монако». И надпись: «Я жива. Не ищи».

Даша держала фотографию в руках.

— Зачем ты мне это показываешь?

— Затем, что суд в марте, Дашенька. — Вика встала. — И если правда выйдет — то выйдет вся. Все — сразу. И твоему мужу лучше узнать о письме не в суде. Не от адвоката. От меня.

— А если я скажу Пётру Аркадьевичу?

— Скажи. — Вика кивнула. — Он твой муж. Это твоя работа — говорить ему то, что ты знаешь. И это — жена. Не витрина. Не домработница. Не «из провинции». Жена — это человек, который несёт правду домой, даже когда её не ждут.

— А если он не поверит?

— Пусть не верит. — Вика вернула фотографию на стену. — Правда не требует веры. Правда требует, чтобы её услышали. А услышать — это не верить. Это — запомнить.

В зале заиграла музыка. Кто-то пел «Три белых коня» — из тех песен, которые в посёлке считались «слишком простыми» и потому звучали только раз в году, на ледовом вечере.

— Пойдём, — сказала Вика. — Глинтвейн ждать не будет.

В зале Даша увидела Максима. Он стоял у камина — один, с бокалом, не пил.

— Твоя мама? — спросила она тихо.

— Она в Петербурге. — Максим посмотрел на неё. — Дарья Владимировна, я знаю, что вы знали.

— Что знала?

— Про фотографию. — Максим отпил. — Вика сказала мне вчера. Она говорит: «Скажи Максиму. Пусть он узнает от женщины, а не от судьи».

— И что ты чувствуешь?

— Я не знаю. — Максим поставил бокал. — Я не знаю, что чувствуют те, чья мать не умерла, а ушла. Я тридцать три года ходил в этой жизни как человек с пустым местом. А теперь место занято. И в нём стоит женщина, которую я не узнал бы на улице.

— Она узнает тебя.

— Она видела мои фотографии в журналах.

— Не в этом дело. — Даша посмотрела ему в глаза. — Максимилыч, она узнает тебя не по лицу. Она узнает тебя по тому, как ты поставишь чашку на блюдце. По тому, как ты посмотришь в окно, когда пойдёт снег. По тому, как ты назовёшь своего ребёнка.

— Если будет дочь, я назову её Еленой.

— Вот именно. — Даша улыбнулась. — Она узнает тебя по имени. А имя — это то, что даёт мать. Всё остальное — отец.

В двенадцать Даша уехала. У ворот она оглянулась: в окне первого этажа стоял Аркадий Иванович — не дома Красовских. В окне своего дома.

И смотрел не на посёлок.

На неё.

Глава 14. 10а. Кольцо на снегу

Анна Сергеевна пришла в дом Савицких в апреле девяносто второго — двадцати трёх лет, с одной сумкой и с дипломом техникума, который никто не просил показывать.

— Молодая, — сказал тогда Аркадий Иванович, оглядев её. — Хорошо. Молодые учатся быстрее.

— Я не учусь. Я умею, — сказала Анна Сергеевна.

— Тогда тем лучше.

Первый год она училась. Не у Аркадия Ивановича — у Елены. Елена Сергеевна была той, кто показывал: как ставить вазу, как накрывать на двоих, как держать полотенце, чтобы не мялось. «Хозяйка — это не та, кто командует, — говорила Елена. — Хозяйка — это та, кто знает, где что лежит. Остальное — команды».

— Я не поняла слова, — сказала однажды Анна Сергеевна.

— Какого?

— Какого? — повторить не успела. — «Остальное»?

— Команды, — сказала Елена. — Всё остальное — команды. Не приказы. Команды. Приказы — это то, что делают под страхом. Команды — это то, что делают по любви.

Анна Сергеевна запомнила. И пронесла это слово через двадцать девять лет — до тех пор, пока не поняла, что команды перестали быть командами и превратились в приказы. И что приказы отдаёт не хозяйка, а страх.

В феврале девяносто четвёртого Елена собирала Максима в детский сад. Анна Сергеевна зашивала ему рукав.

— Анна, — сказала Елена, — у тебя есть крёстные?

— Были. Умерли.

— Будь у тебя дочь — как бы ты её назвала?

— Лиза. — Анна Сергеевна откусила нитку. — Лиза — это имя, которое не путается. Каждая Лиза, которую я встречала, — особенная.

— Максим тоже особенный.

— Все дети особенные. Пока не вырастут. А потом особенными остаются только те, кто сохранил одну вещь: умение спрашивать «почему».

— А ты спрашиваешь?

— Каждый день. — Анна Сергеевна закончила рукав. — Каждый день спрашиваю: «Почему я здесь?» И каждый день получаю ответ: «Потому что тебе здесь хорошо». И это — лучшая работа на свете.

В марте, двенадцатого, Елена не пришла на ужин.

Анна Сергеевна ждала до десяти. В одиннадцать вошёл Пётр, снял пальто, отдал его ей — одной рукой, привычно.

— Где Елена? — спросила Анна Сергеевна.

— Уехала в гости.

— Куда?

— К сестре в Тверь.

— У неё нет сестры в Твери.

— Есть, — сказал Пётр. — Теперь есть.

И ушёл наверх, в кабинет. Не глянув на неё, не сняв обувь, не попрощавшись.

Анна Сергеевна осталась на кухне — с недомытыми тарелками и с чувством, которое нельзя было объяснить, но нельзя было и забыть: что-то случилось. Что-то случилось, и в этом доме больше не будет света.

В два часа ночи позвонил Вадим.

— Анна Сергеевна? Это Вадим Сергеевич.

— Вадим Сергеевич. Здравствуйте.

— Аркадий Иванович на месте?

— На месте. Хотите его?

— Нет. С вами поговорить. — Он помолчал. — Анна Сергеевна, вы в доме одна?

— С Максимом. Ему два года.

— Хорошо. Слушайте меня. Завтра утром приедут люди. Они будут спрашивать про документы. Скажите, что ничего не знаете. Скажите, что всё, что было в кабинете, — это дела Петра Аркадьевича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.